

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XIII

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАССЕЙНА
ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 2



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

Е. В. Иванова

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КАМЕННОМ ВЕКЕ ТАИЛАНДА

*(по материалам тайско-датской археологической экспедиции
1960—1962 гг.)*

Археологическое изучение древнейшего прошлого Таиланда, начавшееся в 30-х годах нынешнего столетия, в течение трех десятилетий ограничивалось поверхностными сборами. В 60-х годах коллективными усилиями европейских, американских и тайских археологов были достигнуты значительные успехи в исследовании ранних этапов истории некоторых районов Северного, Северо-Восточного и Центрального Таиланда. Особенно результативными оказались раскопки, произведенные в западной части Центрального Таиланда, где предварительные обследования местности, заключенной между реками Квэной и Квэяй (притоками р. Меклонг, впадающей в Сиамский залив), в провинции Канчанабури, вскрыли наличие большого числа объектов, заслуживающих методического археологического изучения, — нескольких пещер и скальных навесов, служивших людям укрытием или местом погребений в эпоху от палеолита до неолита и дольше, а также открытых стоянок, бывших местами поселений в период неолита и (или) бронзового века.

Наибольшие по масштабам археологические работы развернулись в местонахождениях Сайёк и Банкао (оба представляют собой комплексы из нескольких стоянок) на р. Квэной. Результаты этих работ, проведенных участниками тайско-датской экспедиции в 1960—1962 гг., нашли отражение в двух томах «Археологических раскопок в Таиланде» [3; 7].

Опубликованный датскими археологами материал значительно обогащает представления о культуре древнейшего населения Западного Таиланда, о его культурно-исторических связях с соседними народами.

Раскопки местонахождения Сайёк дали разнообразный материал с ясной стратиграфией, свидетельствующий о том, что на протяжении длительного периода эта местность была обитаема. Находки, относящиеся к периоду каменного века, представлены каменными и костяными орудиями (более 1500), керамическими изделиями. Глубина культурного слоя в Сайёке — и в пещерах, и в открытых стоянках — 4 м. Доля древнейших типов в общем числе найденных орудий труда невелика, что свидетельствует, по-видимому, о незначительной населенности данного места в начальный период, а наличие почти пустых слоев говорит о перерывах в его заселении. Несравненно большее содержание орудий (из гальки) в культурном слое на берегу реки дает основание полагать, что люди жили преимущественно на равнинах возле рек, пользуясь простейшими укрытиями от непогоды, и только в дождливые сезоны искали убежища под нависающими скалами или в пещерах.

Основными занятиями в этот период были охота и собирательство. Материалом для изготовления орудий труда служили кварцитовая галька, в изобилии встречающаяся по берегам реки, песчаник и сланец [3, 105—106].

На протяжении всего донеолитического периода галечная индустрия Сайёка представлена овальными монофасами, дисковидными скреблами, чопперами, короткими топорами и пр. [см. 3, 23—38]. Подобные орудия, встречающиеся на многих палеолитических местонахождениях Южной и Юго-Восточной Азии, можно рассматривать, на наш взгляд, в качестве свидетельства палеолитического характера культуры древнейших обитателей Сайёка.

Радиоуглеродных дат, которые позволили бы определить абсолютный возраст культур Сайёка, не имеется. Хеекерен и Кнут, ссылаясь на отсутствие в этом слое каких-либо свидетельств того, что климатические и природные условия в то время сколь-либо существенно отличались от нынешних, считают невозможным провести границу между палеолитом и мезолитом. Однако называемый ими предположительно возраст этой культуры — 8—10 тыс. лет [3, 107] — показывает, что они все же склоняются к характеристике ее как мезолитической.

Изготавливавшиеся в это время каменные орудия использовались для рубки деревьев, разделывания туши зверя, разбивания раковин съедобных моллюсков. К некоторым орудиям, возможно, приделывались деревянные ручки. Охотники пользовались, по-видимому, оружием из дерева и бамбука.

В характерном для этого периода погребении скелет человека лежит на спине, с согнутыми в коленях ногами, со ступнями, стоящими на земле, правая рука под подбородком, левая согнута и положена поперек тела. Голова несколько выше тела, лицо повернуто вправо, земля над головой и на уровне груди посыпана охрой. В могилу помещалась еда для умершего (судя по присутствию костей какого-то млекопитающего и раковин моллюсков). Все это с очевидностью говорит о наличии у древнейших обитателей Сайёка веры в загробную жизнь, а также о существовании определенного погребального ритуала [см. 3, 63].

Наступление неолита в Сайёке знаменуется появлением в погребальном инвентаре — в сочетании с каменными орудиями — керамических изделий — как ручной работы, так и сделанных на гончарном круге. Многие из них имеют веревочный орнамент, покрывающий всю поверхность или часть ее и выполняющий скорее функциональную, чем декоративную, роль: благодаря ему поверхность сосудов становится менее скользкой.

Неолитические орудия сделаны из кремнистого известняка, черных и серых мелкозернистых метаморфических пород, халцедона. Величина их по сравнению с предыдущим периодом уменьшилась, топоры и тесла тщательно отшлифованы. В Сайёке найдено 20 таких топоров четырехгранной формы и намного меньше — всего 3 — плечиковых топоров.

По мнению Хеекерена и Кнута, неолит Сайёка можно датировать по аналогии с неолитом Банкао примерно 1700—1300 гг. до н. э. [3, 116].

Другой пункт деятельности тайско-датских археологов — Банкао.

Здесь основное внимание археологического отряда (под руководством Сёренсена) было сосредоточено на изучении погребений. Было раскопано 44 погребения на стоянке Банг и 2 — на стоянке Лу II¹.

¹ Стоянка Банг занимала, по подсчетам археологов, площадь 8 тыс. кв. м, из которых раскопано около 400, стоянка Лу II (вместе с Лу I) — несколько меньшую.

Раскопки погребений дали богатый комплект керамических изделий — 162 целых сосуда, 55 разбитых и многочисленные черепки².

Образцов каменных орудий было найдено значительно меньше — всего 38, на многих из них — следы вторичной подправки (заострения краев), что свидетельствует о трудностях с добыванием материала.

Большинство найденных в Банкао каменных орудий соответствует, по Р. Гейне-Гельдерну, категории «четырехгранных топоров», некоторые — типу «плоских» и «валиковых топоров» [4]. Однако Гейне-Гельдерн не проводил различия между топором и теслом. Более поздняя классификация неолитических орудий, произведенная Р. Даффом [1], различает топоры и тесла в зависимости от положения режущего края по отношению к продольному сечению орудия: если режущий край расположен посредине и имеет два симметричных скоса — это, по Даффу, топор, при отсутствии симметрии — тесло.

По этой классификации топоров в Банкао найдено два, остальные орудия — тесла с разными типами односторонних и двусторонних скосов.

По форме топоры и тесла подразделяются на прямоугольные, трапецеидальные и треугольные (оба топора из Банкао — трапецеидальные, тесла — равнообразные), сечение имеют прямоугольное, трапецеидальное, линзообразное, в форме полумесяца при изогнутых или прямых сторонах [7, 87—88].

На основании исследования погребений в Банкао Сёренсен называет фазами в развитии культуры его древнего населения ранний неолит, поздний неолит и железный век.

Для раннего неолита характерно использование в качестве орудий тесел, сделанных из сланцевидного камня, изготовление керамических сосудов черного, коричневого, красного цветов, на подставке и без нее. Поверхность сосудов полировалась, широко применялся веревочный орнамент, реже — накладные и вдавленные украшения, разрисовка.

Умершие погребались в лежачем — на спине — положении, лицом вверх, с глиняным сосудом у головы или ног и каменным теслом под черепом. Могилы не имели определенной ориентации.

Поздний неолит характеризуется каменными теслами (безусловно, преобладающими над топорами), толстостенными, хорошо обожженными керамическими сосудами, с подставкой и без нее, черными, коричневыми и серыми.

Серп и нож из раковин моллюсков свидетельствуют о начале земледелия. Обилие костей животных, рыб, раковин, найденных при раскопках, говорит о мясо-рыбном столе банкаосцев, а наличие костей свиньи наводит на предположение о том, что они занимались разведением этих животных.

Погребальный обряд заключался в том, что тело умершего помещали в могилу, как и в предыдущий период, на спине, лицом вверх, с дарами у головы или ног, а сверху покрывали свиной кожей.

В числе предметов погребального инвентаря обнаружены каменные кольцо и фаллос, наконечники стрел, орудия из рога, изделия из раковин, украшения.

Для стоянки Банг в Банкао определена радиоуглеродным методом дата начала поселения — 1770 ± 140 лет до н. э. — благодаря обнару-

² Сёренсен предпринял типологическую классификацию керамики, взяв за основу наличие (12 типов с вариантами) или отсутствие (14 типов с вариантами) подставки, форму изделий, характер обработки их поверхности, цвет (функция изделий из керамики не учитывалась) [см. 7, 75—85].

жению большого скопления керамики раннеолитического типа вместе с кусками угля, явно современными керамике.

Вторую дату (1360 ± 140 лет до н. э.), определенную по скоплению угля вне погребения и не увязанную с каким-либо типом керамики, согласно гипотезе Сёренсена, следует отнести к позднему неолиту [7, 111].

Сёренсен подверг тщательному рассмотрению связь культуры неолитического населения Банкао с культурными комплексами, открытыми на других древних стоянках в Таиланде и окружающих странах. Прежде всего он обратил внимание на близость позднеолитической керамики Банкао с керамикой одной из пещер Сайёка и пещеры Онгба на р. Квэяй. Это обстоятельство, по мнению Сёренсена, позволяет говорить о наличии единого неолитического комплекса в этих местах³.

Однако в Таиланде ареал таких сходных неолитических находок почти не выходит за пределы провинции Канчанабури: керамика из Северного Таиланда более примитивна и, главное, слишком фрагментарна, что пока не позволяет делать серьезных сравнений; керамические изделия, обнаруженные в Северо-Восточном Таиланде, не похожи на керамику Банкао [см. 5, 288; 6, 9]

Правда, можно говорить о сходстве с банкаоской керамикой полуостровной части страны: найденные здесь Эвансом [2, 207—209] фрагменты полых ножек треножников столь типичны, что их можно считать свидетельством родства местной культуры раннего неолита с культурой Банкао.

Итак, в западной части Центрального Таиланда и в прилегающей к ней его полуостровной части существовал, по-видимому, единый неолитический комплекс, в то время как в центре, на севере и северо-востоке Таиланда жили носители иной (или иных) неолитической культуры [7, 113].

Обзор неолитических находок из сопредельных стран, произведенный Сёренсеном, позволил установить наличие связи между неолитом Западного Таиланда и Северной Малайи, ослабевающей по мере удаления на юг: с Калимантаном эта связь еще ощутима, но с другими островами Индонезии уже не прослеживается.

Неолитическая культура соседних с Таиландом стран Индокитайского полуострова (Лаоса, Камбоджи и Вьетнама⁴) серьезно отличается от тайско-малайской [см. 7, 114—125].

В то же время сравнение раннего тайско-малайского неолита и луншаньской неолитической культуры Центрального и Северного Китая обнаруживает параллели в самых существенных чертах: в каменной, костяной, раковинной индустрии, типах керамических изделий, характере поселений, погребальном ритуале. На этом основании Сёренсен делает вывод, что источником раннего тайско-малайского неолита была луншаньская неолитическая культура на ранней, так называемой протолуншаньской стадии ее развития [см. 7, 125—127]. Поздний неолит Таиланда и Северной Малайи имеет параллели с отдельными местными вариантами собственно луншаньской культуры, и не исключено, что он возник под их непосредственным влиянием.

Согласно гипотезе, выдвинутой Сёренсеном, распространение луншаньской культуры из Китая в материковую Юго-Восточную Азию могло осуществляться, вероятнее всего, при миграции ее носителей вверх по Янцзы и далее вдоль Салуэна или Иравади. Данный путь миграции

³ Типы тесел, характерные для неолитического комплекса Банкао, имеют более широкое территориальное распространение, чем типы керамики, поэтому они не столь показательны.

⁴ О Бирме еще слишком мало данных.

(несмотря на отсутствие фактических данных) представляется Сёренсену более вероятным, так как, идя вдоль этих рек, носители неолитической культуры могли попасть через Бирму и ущелье Трех Пагод в долины рек Квэной и Квэяй. Путь миграции вдоль Меконга, по его мнению, отпадает, потому что до сих пор нет свидетельств о распространении родственной неолитической культуры в центре Индокитайского полуострова [см. 7, 132—134].

Хеекерен и Кнут также придерживаются взгляда о внешнем источнике происхождения неолитической культуры Сайёка. Этим источником была, по их мнению, луншаньская культура, которая могла проникнуть в Таиланд и Малайю в результате движения в южном направлении подвижных групп населения — вдоль берегов Китая и далее по морю или суше вдоль рек [3, 112].

Еще более сходной с неолитической культурой Сайёка эти авторы считают неолитическую культуру Юго-Восточного Китая, так называемый луншаноидный комплекс. Существенные различия между ними Хеекерен и Кнут объясняют как дистанцией, разделяющей территории распространения этих культур, так и разными природными условиями.

Таким образом, датские археологи придерживаются точки зрения об «импортном» характере тайландского неолита, т. е. о его появлении в Таиланде вместе с пришельцами с севера — южными монголоидами в расовом отношении, которые оттеснили или ассимилировали местное негроидное (австрало-меланезийское) население. Этим пришельцев Хеекерен и Кнут называют прямыми предками нынешних тай [3, 116]. Именно с их приходом, по их мнению, связан резкий перелом в культуре: появление земледелия с культурой риса и таро, домашних животных (свиньи, курицы, собаки), жилищ из дерева и бамбука и т. п.

Результаты антропологических исследований костных остатков древних обитателей Банкао будут освещены в отдельном томе, который готовит к печати тайландский антрополог Суд Сангвичиен. Предварительные заключения на основании своих наблюдений он опубликовал в виде краткого приложения к тому о раскопках в Банкао. Основной вывод Суда Сангвичиена состоит в том, что можно установить прямую преемственность между носителями неолитической культуры Банкао и тайским населением современного Таиланда. Поэтому первых он объявляет предками современных тай. Антропологическую характеристику банкаосцев Суд Сангвичиен дает в плане их сравнения с последними: рост как у тай; лица — от средних до широких, шире, чем у тай; спинка носа широкая и плоская, как и у многих нынешних тай, альвеолярный прогнатизм отсутствует, а у нынешних тай незначительный и т. д. Особенно показательным — в смысле доказательства наличия генетической связи между банкаосцами и современными тай — Сангвичиен считает вероятное содержание в крови у тех и других аномального гемоглобина E [7, 146].

Сёренсен принимает выводы Сангвичиена и в заключение к своему труду пишет: «Антропологическое изучение дает много свидетельств того, что имеется определенная связь между неолитическими обитателями Таиланда и нынешним тайским населением (отличным от позднейших пришельцев — китайцев), иными словами, нынешние тай (тайязычные) прибыли сюда, возможно, в не столь отдаленные исторические времена, но по крайней мере одна ветвь их предков занимала части королевства уже с 1800 г. до н. э.» [7, 147].

Это суждение Сёренсена не может не вызвать возражений. По нашему мнению, антропологические материалы, приводимые Сангвичиеном, могут свидетельствовать лишь о том, что неолитическое население

ние Западного Таиланда (точнее, Банкао) по физическому облику близко современным тай Таиланда. Однако вряд ли на этом основании можно делать вывод об этнической близости жителей Банкао и современных тай. Биологическое родство между тай, появившимися в Таиланде в I тысячелетии н. э., и коренным населением страны, сформировавшимся на основе неолитических племен, могло установиться позднее — в результате активной ассимиляции пришельцами местного населения, приведшей к тому, что тай стали преемниками древних жителей Таиланда как в антропологическом, так и в этническом отношении. Но это обстоятельство не может служить аргументом в пользу того, что древние обитатели Таиланда или какая-то их группа были тай.

Находки периода бронзы в Сайёке немногочисленны и из-за плохой стратиграфии выделяются исходя из типологии. Это глиняные круглые и цилиндрические довольно миниатюрные сосуды, входившие, возможно, в погребальный инвентарь, и сосуды покрупнее, круглый колокольчик, бусы, браслеты и кольца. Эти находки не позволяют ясно представить характер культуры бронзового века в Таиланде, но неоспоримо свидетельствуют о том, что носители донгшонской культуры жили в долине р. Квэной. Из-за недостатка меди на всем протяжении бронзового века в Таиланде камень продолжал играть большую роль [см. 3, 117—121].

Железный век совершенно не реконструируется по находкам в Сайёке. Следующим после бронзового века здесь оказывается исторический период, начало которого принято связывать с распространением в Юго-Восточной Азии влияния Индии. Находки, относящиеся к этому времени, — это керамика XIV—XV вв., статуэтки, изображающие Будду (X, XVII вв.), наконец, руины буддийского храма XIII в.

Железный век для Банкао также не может быть реконструирован с полнотой на основании весьма ограниченного материала из относящихся к этому времени всего лишь двух погребений. Он представлен железными теслами, тонкостенными керамическими изделиями (одного типа) неровной окраски и менее эффективно обожженными, чем поздне-неолитические.

Погребальный обряд в этот период заключался в помещении трупа в могилу на спине, лицом вверх, погребальные дары — сосуды и тесла — в отличие от неолитических погребений располагались только у ног.

Связи между неолитом и комплексом, относящимся к железному веку, еще недостаточно ясны. Сравнение некоторых изделий из железа со стоянки Банг в Банкао с неолитическими изделиями из кости, например, обнаруживает поразительное сходство форм, что наводит на мысль о местной эволюции поздне-неолитической культуры в культуру железного века. Однако еще не установлены границы области, в которой происходила эта эволюция, неизвестно, было ли внешнее влияние [7, 110].

Таковы в сжатом изложении результаты работы тайско-датской археологической экспедиции в Западном Таиланде в 1960—1962 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Duff R. Neolithic adzes of Eastern Polynesia,— «Anthropology in the South Seas», 1959, стр. 121—147.
2. Evans I. H. N. On some Pottery Objects from Surat,— «Journal of the Siam Society», 1931, vol. XXIV, pt 2, стр. 207—209.

3. Hecker en H. R. van, Knuth Eifil Archaeological Excavations in Thailand, vol. I, Sai Yok, Copenhagen, 1967.
4. Heine-Geldern R. Urheimat und früheste Wanderungen der Austronesier,—«Anthropos», Bd. XXVII, 1932, crp. 543—619.
5. Sharp R. and L. Some Archaeological Sites in North Thailand,—«Journal of the Siam Society», 1964, vol. LII, pt 2, crp. 223—239.
6. Solheim W. G. II, Thailand and Prehistory,—«Silpacon», 1964, vol. VIII, № 3, crp. 173—191.
7. Sørensen Per Archaeological Excavations in Thailand, vol. II, Ban Kao, Copenhagen, 1967.